

Этическая цель — раскрытие аморального характера эпохи — достигалась Щедриным через удвоение нравственной оценки персонажей, поскольку отбор «идущих в дело» заимствований осуществлялся им преимущественно из произведений сатирических, где нравственная несостоятельность типов уже получила соответствующую характеристику и в этом значении закрепились в сознании читателей ¹.

Эстетическая цель обращения писателя к заимствованным образам — представление об идеале по контрасту с явлениями из сферы безобразного — связана со стремлением его к «общей экономии художественного произведения»: вторичные образы не нуждаются в сколько-нибудь подробной эстетической характеристике. Сами их имена, ставшие нарицательными, заключали в себе не требующие комментариев устойчивые представления и становились своего рода эзоповским иносказанием, за которым вставала целая галерея обобщающих картин русской жизни. Вместо того чтобы описывать представленные пореформенным временем широкие возможности для удовлетворения «шкурного» интереса, Щедрин просто предупреждал о том, что на арене истории ожили господа Молчалины, и характер эпохи получал исчерпывающее определение.

Вторичные образы, являясь носителями определенного характеристического понятия, которое само по себе исключало возможность многообразия проявлений человеческой натуры, представляли благодатный материал для «гуртового», интегрированного их осмысления, не предполагающего наличия и тем более развития индивидуальных психологических свойств героя. Действительно, если каждый отдельно взятый образ квалифицируется как объект среды, ему могут быть присущи лишь общие, «стадные» психологические мотивы, в конечном итоге сводящиеся к проявлениям классового инстинкта. Эта жесткая социальная детерминация, определяющая всякий поступок субъекта как социально необходимый и неизбежный, превращает его в марионетку «шкурного» интереса, в *призрак*.

В статье «Современные призраки» (1863), где сатирик показал их влияние на общий строй жизни, дается определение сущности этого явления. По Щедрину, призрак есть «такая форма жизни, которая силится заключить в себе нечто существенное, жизненное, трепещущее, а в действительности заключает лишь пустоту ... призрак ничего не проникает, ни с чем органически не соединяется, а только накрывает» [1, т. 6, с. 382—383]. Лишенными человеческих черт призраками явились образы второго порядка, герои вчерашнего дня. Каждый отдельно взятый персонаж этого ряда, будь то Вральман или представитель многочисленной плеяды пещоринства, рассматривался сатириком как призрак, существенной особенностью которого было то, что «и халат у него вчерашний, и вчерашняя у него невежественность, соединенная с вчерашнею же непредусмотрительностью, — только язык он себе новый привесил, и болтает этот язык какую-то новую фразу, одну только фразу, из которой нельзя видеть ни того, что ей предшествовало, ни того, что будет дальше» [1, т. 10, с. 532].

Адекватной формой выражения образов-инструментов, лишаящей их индивидуального психологизма, явился *гротеск*, поскольку именно он, обладая механизмом «переформирования», «пересоздания» действительности, позволяет поместить обыденное явление в столь гипертрофированные, уродливые формы, где бы сразу обрело очевидность его безобразие. Установлено, что появление гротескных образов в искусстве свидетельствует о стремлении «к крайнему обобщению, „подведению итогов“, к извлечению некоего смысла, концентрата явления, времени, истории. Автор гротеска делает это не иначе, как путем предельного заострения, — до нарушения привычных связей, иначе говоря, до создания своего, особого, гротескного

¹ Об особых случаях достижения нравственной цели, касающихся полностью предназначенных сатириком образов второго порядка, говорится далее.